

XXXVI.

№ 52

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

1905

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 42 книг Литературных и популярно-научных приложений, 42 № „Парижских мод“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 31-го декабря 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № предлагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ кн. 50.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
И. И. ПЕЧКОВСКОЙ.
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римскіевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р. 12 н.

Невѣста Варвара.

Повѣсть

И. Н. Потапенко.

(Окончаніе).

Отецъ Лука совершенно растерялся. Идти къ архіерею и просить о такихъ вещахъ — нѣтъ, это просто превышало его силы.

Но, съ другой стороны, не сдѣлать этого, значитъ—довести жену до такого состоянія, что въ домѣ никому житья не будетъ. Онъ былъ поставленъ въ необходимость во что бы то ни стало исполнить желаніе матушки.

Домашній миръ онъ цѣнилъ больше всего на свѣтѣ. Едва ли нашлась бы такая жертва, которой онъ не принесъ бы ради домашняго мира.

И какъ ни сопротивлялась этому его душа, тѣмъ не менѣе, ему все-таки пришлось согласиться. И вотъ онъ надѣлъ торжественную рясу, нацѣпилъ на себя всѣ регалии, какія когда-либо заслужилъ, и на другой день утромъ отправился къ архіерею, въ его пріемный часъ.

Здѣсь, на пріемѣ, въ числѣ другихъ просителей, онъ былъ сейчасъ же узнавъ архіереемъ.

Снѣгурочка. Акварель Е. М. Бемъ, авт. «Нивы».

— А, отецъ Лука Троянскій! — сказали архіерей. — О чемъ же ты просишь? Ужъ кажется, соборному священнику не о чемъ просить...

— Ваше преосвященство, — сказалъ отецъ Лука: — у меня такое дѣло... я просилъ бы ваше преосвященство выслушать меня особо.

— А... ну, хорошо; тогда тебѣ, отецъ Лука, придется подождать, пока я выслушаю другихъ.

Отецъ Лука, разумѣется, согласился ждать, и вотъ, послѣ пріема, архіерей пригласилъ его въ маленькую гостиную.

— Ну, говори, отецъ Лука, въ чемъ твое особое дѣло! — сказали архіерей.

— Не знаю даже, какъ и рассказать, ваше преосвященство, — заявилъ отецъ Лука.

— Ну, ужъ какъ-нибудь надо рассказать! — промолвилъ архіерей.

— Дѣло такое странное, необыкновенное... касается мой дочери и извѣстнаго вамъ іеромонаха Мелетія.

— Какъ? Іеромонахъ и твоя дочь? Ну, да, прежде они были женихомъ и невѣстой, но

теперь... какія же могутъ быть между ними отношенія?

— Вотъ этого-то, ваше преосвященство, я и самъ объяснить не могу... Но только съ тѣхъ поръ, какъ онъ появился здѣсь, моя дочь стала вести себя странно. Она сдѣлалась совсѣмъ другой. На-дняхъ даже отказала прекрасному жениху, богослову Уралову, который получилъ мѣсто здѣсь, въ нашемъ городѣ.

— Да, знаю,—сказалъ архіерей:—и мѣсто-то онъ получилъ, главнымъ образомъ, ради твоей дочери, т. е. ради тебя...

— И затѣмъ вообще онъ на нее такъ странно вліяетъ.— съ страшными потугами говорилъ отецъ Лука:—разговоры у нихъ такіе—объ одиночествѣ, о свободѣ духа...

— Ну, да... что же? Если только объ этомъ, такъ это прекрасные предметы!—сказалъ архіерей:—но,—прибавилъ онъ:—можетъ-быть, замѣчено что-либо такое, не-подходящее къ монашескому чину?..

— Нѣтъ,—добросовѣстно сказалъ отецъ Лука:—этого ничего нѣтъ... только онъ вліяетъ на нее въ пагубную сторону...

— Пагубную?

— Т. е. для нея, для мірской дѣвушки это пагубно—безбрачіе... духовное одиночество...

— Что же ты хочешь, отецъ Лука?

— Хочу, чтобы ваше преосвященство своимъ вліаніемъ, даже своею властью отстранили отъ нея отца Мелетія...

— Да онъ скоро уѣзжаетъ...

— Да, но есть опасность, что онъ будетъ писать ей...

— Такъ ты хочешь, чтобы ему даже было воспрещено и писать? Но какъ же это сдѣлать?

— Да, чтобы и не писалъ,—сказалъ отецъ Лука, въ точности исполняя порученіе матушки.

— Не знаю, отецъ Лука... Все это очень странно... Если нѣтъ ничего такого... грѣхознаго... какъ же я могу? Духовное единеніе!.. ну, да, это же есть монашеское: одиночество въ мірѣ! Мы, монахи, дѣйствительно въ мірѣ одиноки. И со стороны монаха это естественно и похвально—восхвалять духовное одиночество. Но все-таки, отецъ Лука, такъ какъ ты объ этомъ просишь, я поговорю съ нимъ... я постараюсь повліять на него...

Отецъ Лука, добросовѣстно исполнивъ порученіе матушки, поднялся, получилъ архіерейское благословеніе и ушелъ, а дома обнадѣжилъ матушку.

Такъ какъ въ этотъ день Мелетій не пришелъ къ архіерею, то старикъ, страшно заинтересованный тѣмъ, что сообщилъ ему отецъ Лука, послать за нимъ карету въ пригородъ.

Къ дьякону явился келейникъ и заявилъ, что преосвященный требуетъ непременно сейчасъ къ себѣ Мелетія.

Хотя расположеніе архіерея къ его сыну было ему хорошо извѣстно, тѣмъ не менѣе, дьяконъ обезпokoился.

— Что такого случилось экстреннаго? Вы ничего не знаете?—спросилъ онъ келейника.

— Какъ я могу знать?—отвѣтилъ тотъ:—я могу только догадываться...

— Значитъ, вы догадываетесь?

— Сегодня у преосвященнаго былъ отецъ Лука Трояпскій,—сообщилъ келейникъ.

— И что же такое?

— И бесѣдовалъ съ преосвященнымъ особо...

— Г-мъ... особо! Значитъ, нельзя было высказать передъ другими... Пожаловался, значитъ...

— По всей вѣроятности, отецъ-дьяконъ.

— И что же, преосвященный сердится?

— Нѣтъ, этого не замѣтно... но, кажется, обезпokoенъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, съ виду...

Дьяконъ сообщилъ Мелетію:

— Былъ у преосвященнаго отецъ Лука и, должно-быть, пожаловался на тебя... такъ ты ужъ приготовься...

— О, я всегда готовъ, отецъ... всегда готовъ!.. У меня ни намѣреній, ни дѣйствій дурныхъ нѣтъ,—значитъ—я всегда готовъ.

И Мелетій поѣхалъ къ архіерею. Старикъ встрѣтилъ его пытливымъ взглядомъ, но сейчасъ же разсмѣялся.

— Нѣтъ, не вижу я въ глазахъ твоихъ, чтобы ты могъ мыслить дурно... Пойдемъ-ка въ кабинетъ, тамъ потолкуемъ...

Они пошли въ кабинетъ, и тамъ архіерей посадилъ его и самъ сѣлъ. Онъ разсказалъ:

— Былъ у меня сегодня отецъ Трояпскій... Что тамъ такое у тебя съ его дочерью? Вѣрю, что не забылъ ты о своемъ монашествѣ... Но что же именно? Почему онъ такъ мрачно смотритъ?

— Это такъ и должно быть, ваше преосвященство,—отвѣтилъ Мелетій:—иначе даже было бы странно. Варвара мыслитъ такъ же, какъ и я. Она поняла тишету случайныхъ мірскихъ благъ и отказалась пользоваться ими...

— Какъ? Она, значитъ, желаетъ принять монашество?—спросилъ архіерей.

— Нѣтъ... она не любитъ этой формы... Но она навсегда отказалась отъ замужества и дала себѣ обѣтъ остаться вѣчно дѣвушкой...

— Это хорошо, это благо...—сказалъ архіерей:—но почему же она, въ такомъ случаѣ, не хочетъ принять монашество?

— Ваше преосвященство, нужно ли объ этомъ стараться? Важно, чтобы человѣкъ поднялся на высоту... важно, чтобы духъ освободился отъ мірскихъ тягостей... Но нужно предоставить ему выбирать для этого ту форму, какая ему болѣе сродна.

— Все это такъ—но лишь въ теоріи, Мелетій... Съ принятіемъ монашескаго чина мы даемъ обѣтъ и это намъ помогаетъ держаться на высотѣ...

— Это справедливо, ваше преосвященство. Но если душа способна безъ такого обѣта держаться на высотѣ, такъ это еще большая заслуга, потому что это труднѣе. А душа ея прекрасна!

— Какой ты восторженный монахъ, Мелетій! Какой ты свѣтлый!—воскликнулъ архіерей, съ удивленіемъ глядя на него.

— Я радуюсь, ваше преосвященство, что обрѣлъ такую душу... Она вся пламенно стремится къ высокому. Ну, что-жъ, при этомъ неизбежно столкновеніе съ родными, которые этого не въ силахъ понять... Съ этимъ мы должны примириться...

— Да,—сказалъ архіерей:—я вижу, что и монашество въ наше время подвинулось впередъ. Мы въ такія высокія сферы не забирались. Мы такъ высоко не парили... Не знаю даже, не составляетъ ли это грѣхъ тяжкій... Не знаю... А только ты мнѣ вотъ такой нравишься. Отецъ Лука просилъ повліять на тебя, чтобы ты ничего не писалъ ей...

— Да этого и не надо, ваше преосвященство,—сказалъ Мелетій:—она уже укрѣпилась. Я убѣдился въ этомъ вчера. Она пріѣхала къ намъ; какъ дочь, обращалась съ моими родными, а вѣдь еще недавно она отворачивалась отъ нихъ на улицѣ, и объявила мнѣ, что она опять стала моей невѣстой на вѣчныя времена!.. Прекрасная душа! Ясная, свѣтлая душа!..

— Такимъ образомъ я ничѣмъ не могу помочь бѣдѣ отца Луки!—шутливо сказалъ архіерей.

— Нѣтъ, ваше преосвященство, это ужъ не въ вашей власти...

— Ты будешь хорошимъ миссіонеромъ, Мелетій.

— Я имъ хочу быть. Это заманчивая дѣятельность!—воскликнулъ Мелетій:—въ ней есть какое-то постоянное творчество...

— Пламенный монахъ! Парящій къ небесамъ!.. Я люблю тебя за это!—говорилъ архіерей:—не одобряю я мертваго монашества, людей, ограничившихъ свой кругъ однимъ только спасеніемъ своей собственной души...

Какой же въ этомъ подвигъ? Всякій мірянинъ тоже хлопотеть о спасеніи своей души... Конечно,—продолжать архіерей:—лучше, о, безконечно лучше думать о спасеніи своей души, нежели объ ублаженіи тѣла. Но все же вѣдь это только для себя. Монахъ долженъ думать не о своей душѣ, а о душахъ другихъ людей. Онъ обязанъ возвышать ихъ къ спасенію и этимъ сама собой будетъ спасена его душа... Такъ ли я говорю? Справедливо ли, Мелетій?

— Такъ, справедливо, справедливо...—отвѣтилъ Мелетій:—такъ и я понимаю монашество: рука моя всегда должна быть протянута къ землѣ, чтобы каждую минуту я могъ поднять погрязающаго, очистить его отъ грязи, которая обременяетъ его и мѣшаетъ ему подняться, и увлечь его на высоту...

— Когда же ты ѣдешь, Мелетій?—спросилъ архіерей, съ видимой заботливостью.

— Скоро. На этихъ дняхъ приду къ вамъ просить вашего напутственнаго благословенія...

— Я хочу черезъ тебя послать письмо отцу-архимандриту, инспектору. Хочу обратить на тебя его вниманіе...

— А я буду просить васъ не пересылать этого письма... Что я буду дѣлать съ вниманіемъ отца-архимандрита? Вѣдь я не ищу никакихъ преимуществъ. Дѣло и безъ этого найдется. А мнѣ вѣдь ничего не надо, кромѣ дѣла.

— Нѣтъ, я хочу именно сказать ему, что ты по духу миссіонеръ, чтобы тебя не засадили за какое-нибудь преподаваніе догматики. Ты плохой догматикъ, Мелетій. Тебя надо подослать къ человѣческимъ душамъ... ты съ ними умѣешь обращаться...

— А, ну, если такъ... пишете, ваше преосвященство, передамъ... догматики я, дѣйствительно, не люблю...

Мелетій остался у архіерея обѣдать, а вечеромъ отправился домой. Здѣсь онъ узналъ, что его все время ждали съ нетерпѣніемъ и очень тревожились.

Но онъ успокоилъ своихъ родныхъ, рассказавъ имъ весь свой разговоръ съ архіереемъ. Для дьякона архіерей былъ высшимъ авторитетомъ, поэтому онъ совершенно успокоился и въ душѣ его больше не подымались утреннія сомнѣнія.

Прошло больше недѣли. Мелетій уже назначилъ день своего отъѣзда.

Какъ ни вѣрилъ онъ въ Вареньку, а все же ему хотѣлось хоть еще одинъ разъ повидать ее. Но онъ не видѣлъ никакихъ способовъ для этого.

Однако, Варенька, должно-быть, сама почувствовала это и, накануне его отъѣзда, опять пріѣхала въ пригородъ.

На этотъ разъ она пробыла у Велегласовыхъ недолго. Дома теперь особенно тщательно слѣдили за каждымъ ея шагомъ, а она не хотѣла слишкомъ раздражать свою мать.

— Завтра же,—сказала она:—я непременно, непременно приду на пароходъ, проводить тебя, Мелетій.

И она простилась съ нимъ и уѣхала.

На другой день Мелетій утромъ побывалъ у архіерея, взялъ у него благословеніе и письмо къ инспектору, отцу-архимандриту.

— Не знаю, увидимся ли мы съ тобой, Мелетій,—сказалъ ему на прощанье архіерей.—Видишь ли, старъ я ужъ очень. Духъ мой еще бодръ, но вѣдь онъ и не умираетъ. А тѣло очень ужъ что-то даетъ знать о своей дряхлости, ну, да вѣдь, все равно, духъ не знаетъ разстояній, и помнить я тебя, мой пламенный, свѣтлый монахъ, буду всегда...

А передъ вечеромъ все семейство дьякона тащилось на извозникахъ въ городъ къ пароходной пристани. Здѣсь долженъ былъ сѣсть Мелетій, доѣхать до другого города, а оттуда пересѣсть на желѣзную дорогу.

Впереди ѣхала бричка, на которой сидѣли дьяконъ и Мелетій въ рясахъ и въ клобукахъ. На пароходъ уже толпились народъ. Когда они пріѣхали, оставалось не больше получаса до отхода.

Дьяконъ хлопоталъ о покушкѣ билета Мелетію, Агаѣя Федоровна пристраивала какіе-то пирожки, которыхъ она напекла ему для дороги. Дѣти съ любопытствомъ смотрѣли на толпу.

Мелетій безпокоился. Онъ внимательно и тревожно поглядывалъ на длинный мостъ, по которому публика подходила къ пристани. Уже оставалось четверть часа, а Вареньки все еще не было.

Раздался двукратный свистъ парохода, и вотъ онъ увидѣлъ знакомую шляпу и лицо, прикрытое вуалю. Это была Варенька, она торопилась. Вотъ она уже на пароходѣ, около него.

— Видишь, Мелетій, я пришла... О, что тамъ у насъ дѣлается, въ домѣ—ужасно... я, конечно, не скрываю отъ нихъ. Я сказала, что ѣду провожать тебя. Мать въ обѣщанствѣ... но это вѣдь неизбежно... Ну, прощай, Мелетій! Прощай, мой женихъ,—говорила она и какимъ-то удивительно глубокимъ, проникновеннымъ взглядомъ смотрѣла ему въ глаза.—Благослови меня, и я сейчасъ уйду.

Мелетій благословилъ ее и сказалъ:

— Прощай, Варвара, прощай, невѣста! Какъ бы ни были мы съ тобой далеки другъ отъ друга, какія бы пространства ни раздѣляли насъ, но мы всегда будемъ вмѣстѣ, потому что духъ не знаетъ разстояній... Прощай! Я уношу въ своей душѣ великую радость...

— И такая же радость остается здѣсь, вотъ въ этой душѣ. Это знай, Мелетій.

Варенька ушла раньше третьяго свистка. На этотъ разъ она не простилась съ дьякономъ и другими родными Мелетія. Она какъ будто боялась разсѣять то настроеніе, которое дало ей прощаніе съ нимъ.

Раздался троекратный свистъ. Пароходъ медленно уходилъ и скоро скрылся изъ глазъ.

XII.

Прошло много-много лѣтъ.

Въ губернскомъ городѣ, въ духовномъ кругу, такъ же все измѣнилось, какъ и въ другихъ кругахъ его населенія, какъ и въ его вѣншемъ видѣ.

Разрушились старые дома и понастроили новыхъ, большихъ, болѣе красивыхъ; вымостили улицы и освѣтили ихъ газомъ.

И все это были новые люди, замѣнившіе стариковъ.

Умеръ давно старый архіерей, нѣкогда облакавшій монаха Мелетія. Отошли къ праотцамъ кафедральный протоіерей, ключарь, отецъ Лука и матушка его и большинство бывшихъ тогда настоятелей и всякихъ сановныхъ духовныхъ лицъ.

Скончался и дьяконъ пригородной церкви, который, впрочемъ, кончилъ жизнь священникомъ и не въ пригородѣ, а на другомъ приходѣ. Померла и Агаѣя Федоровна.

А дѣти ихъ выходили замужъ, кончили школы и разбрелись по деревнямъ обширной губерніи.

То же случилось и съ дѣтми отца Луки—они все пошли по свѣтской части, оставили губернский городъ и служили, одни въ столицахъ, другіе въ неизвѣстныхъ, дальнихъ мѣстахъ.

Было известно, что только старшая дочь отца Луки вовсе не вышла замужъ. Она довольно долго жила съ родными, пока они совсѣмъ не состарились. Она похоронила ихъ обонхъ.

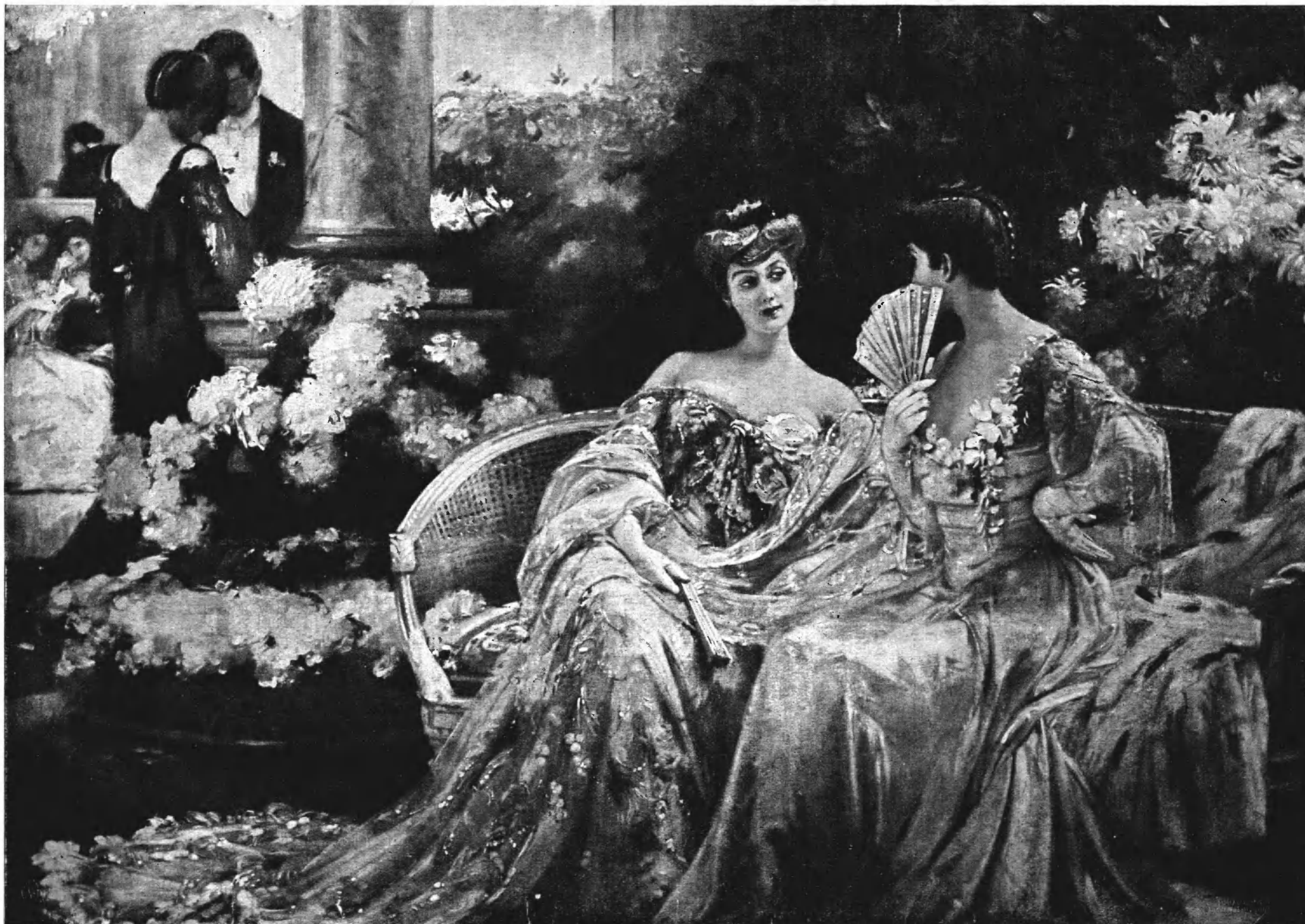
Ей досталось небольшое состояніе, такъ тысячь въ тридцать, нажитое отцомъ Лукой на мѣстѣ третьяго священника въ соборной церкви.

И затѣмъ она тоже покинула губернский городъ, и кто не имѣлъ о ней никакихъ свѣдѣній.

Но помнили ее. О ней сохранились рассказы. И съ этихъ рассказовъ чаще всего повторилось одно, съ в незначительное, воспоминаніе: утверждали, что имѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ въ послѣдній разъ изъ

Новогодняя кантата. Картина В. Сакаджи, авт. «Нивы».

Подъ Новый годъ.

Эчеварри, авт. «Нивы».

бернского города монахъ-академикъ Мелетій, она всегда и всюду появлялась въ бѣломъ платьѣ.

Никто никогда не видѣлъ ее не только въ темномъ, но даже въ платьѣ свѣтлыхъ цвѣтовъ. Всегда она появлялась въ бѣломъ.

Такою она и осталась въ воспоминаніи теперь уже сдѣлавшихся стариками, а тогда бывшихъ молодыми, жителей губернскаго города.

И вотъ, послѣ того, какъ прошло много-много лѣтъ, въ губернскомъ городѣ стало извѣстно, что на освободившееся мѣсто епархіальнаго архіерея назначенъ епископъ Мелетій, про дѣятельность котораго уже раньше здѣсь много слышали.

Онъ былъ извѣстенъ, какъ дѣятельный пылкій миссіонеръ; почти вся его духовная карьера прошла въ далекихъ странахъ и на дальнихъ окраинахъ, гдѣ онъ обращалъ въ христіанство язычниковъ.

Немногія изъ духовныхъ лицъ помнили его, это тѣ, которые въ тѣ времена еще были семинаристами. Нашелся даже одинъ товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ кончилъ семинарію и теперь служилъ въ губернскомъ городѣ на кладбищенскомъ приходѣ.

Недѣли двѣ ждали новаго архіерея, и, наконецъ, онъ пріѣхалъ.

Наружность у него была замѣчательная. Высокій, стройный, удивительно прямой, сухощавый, онъ всѣхъ поражалъ необыкновенной жизненностью и энергичностью своихъ движеній, своей походки.

Голова его была украшена совершенно бѣлыми густыми шелковистыми кудрями. Не густая длинная борода сохранила еще отгѣнокъ русаго цвѣта.

Замѣчательны были его глаза. Они сразу приковывали къ себѣ вниманіе каждаго, кто только однажды аглянулъ въ нихъ. Такого яснаго спокойнаго взгляда кто никогда не встрѣчалъ въ своей жизни.

Что было взглядъ человѣка, у котораго на душѣ нѣтъ одного пятнышка, ни малѣйшей соринки. Разъ взглянувъ въ эти глаза, хотѣлось смотрѣть въ нихъ безъ конца.

Архіерей пріѣхалъ и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Первая служба его была назначена въ соборѣ черезъ недѣлю.

И вотъ здѣсь молящіеся увидѣли новое лицо—даму, которая сейчасъ же была замѣчена всѣми. Она была замѣчена уже потому, что губернскіе прихожане собора знали наперечетъ всѣхъ горожанъ.

Глядя на ея значительно уже посѣдѣвшіе волосы, всѣ изумлялись, какимъ образомъ она такъ сохранила свою стройную, почти дѣвическую фигуру и необыкновенно молоджавое лицо.

На ней было простое бѣлое платье, голова ея была не покрыта ничѣмъ, кромѣ едва замѣтной сѣтки.

И все при ея платьѣ было бѣло, каждая тесемка, каждая пуговка, каждая ленточка. Она была вся бѣлая.

И теперь, послѣ такого долгаго промежутка времени, многіе узнали въ ней дочь бывшаго третьяго священника соборной церкви, отца Луки Троянскаго.

Въ церкви она стояла въ переднихъ рядахъ, и все время внимательно слѣдила за всѣми движеніями новаго архіерея. Болѣе наблюдательные замѣтили, что, когда новый архіерей благословлялъ народъ, кланяясь въ разныя стороны, то глаза его свѣтились какимъ-то радостнымъ свѣтомъ въ тѣ моменты, когда онъ обращался къ ея сторону.

И вотъ старожилы губернскаго города, давно забывшіе исторію объ академикѣ, который отвергъ свою невѣсту и принялъ монашество, вспомнили эту исторію.

И жизнь пошла обычнымъ порядкомъ. Дама—вся въ бѣломъ—поселилась въ губернскомъ городѣ.

У нея были постоянныя скромныя средства. Она занимала небольшую квартирку, уютную и мило обставленную.

Но скоро узнали, что она вовсе не намѣрена сидѣть безъ дѣла. Въ городѣ стало извѣстно, что она покровительствуетъ дѣвушкамъ, которыя почему-либо не вышли замужъ. Такія дѣвушки мало-по-малу стали являться къ ней...

Она знакомилась съ ними, привлекала ихъ къ себѣ своимъ ласковымъ, дружескимъ обхожденіемъ, вела съ ними долгія бесѣды и, когда онѣ въ этомъ нуждались, помогала имъ устраивать свою жизнь безбѣдно.

И помогая такимъ образомъ, она не разбирала ни сословія, ни образованія, ни національности. Всѣ дѣвушки, не вышедшія замужъ, находили у нея доброе слово и матеріальную помощь.

Затѣмъ стало извѣстно, что въ средствахъ для матеріальной помощи принимаетъ участіе архіерей.

Именно, очень часто во время пріемовъ у него, въ пріемной появлялась дама—вся въ бѣломъ—и тутъ же, на ряду съ другими, архіерей принималъ ее и изъ ихъ бесѣды можно было узнать, что архіерей интересуется ея дѣломъ и помогаетъ ей изъ своихъ средствъ.

Разсказывали чрезвычайно любопытную особенность: когда въ пріемной доходила очередь до дамы въ бѣломъ, и она подходила къ архіерею, онъ вдругъ необыкновенно оживлялся, глаза его дѣлались свѣтло-радостными, и онъ, благословляя ее и улыбаясь, какъ бы шутливо говорилъ:

— Ну, здравствуй, моя невѣста-Варвара!

Иногда, если тутъ были именитыя духовныя особы, архіерей шутливо обращался къ нимъ и говорилъ:

— Это моя невѣста!

И даму въ бѣломъ въ городѣ такъ и стали называть заочно: невѣста-Варвара.

Она уже была знакома со всѣми духовными лицами города, всѣ ее знали и относились къ ней съ почтеніемъ...

Всѣмъ было извѣстно, что къ ней какъ-то необыкновенно расположенъ архіерей, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ принималъ приглашеніе на какой-нибудь торжественный обѣдъ, при началѣ какого-нибудь общественнаго дѣла,—чтобы доставить ему удовольствіе, обязательно приглашали даму въ бѣломъ.

И она приходила—всегда, вся въ бѣломъ—и занимала мѣсто по правую руку архіерея.

Но самымъ замѣчательнымъ во всей этой исторіи было то, что никогда они не оставались вдвоемъ, наединѣ. Рѣшительно никто не могъ утверждать это.

Въ первое время въ особенности за ними слѣдили. Подчиненнымъ ужасно бываетъ пріятно узнать о слабостяхъ своего начальника. Но какъ ни смотрѣли во всѣ глаза, никто не замѣтилъ ни одного такого случая.

На общихъ пріемахъ они громко, такъ что всѣ слышали каждое слово, говорили о томъ благотворительномъ дѣлѣ, которому посвящала себя дама въ бѣломъ.

Въ церкви послѣ службы она непременно подходила къ архіерею, и онъ осѣнялъ ее большимъ крестомъ, а она цѣловала его руку.

И кромѣ того, они встрѣчались на торжественныхъ молебнахъ и обѣдахъ при большомъ стеченіи народа.

Удивительною бодростью и ясностью вѣяло отъ ея лица, взгляда и голоса. Такія лица бываютъ у людей, твердо убѣжденныхъ, что ихъ жизнь идетъ такъ, какъ должно и какъ они сами хотятъ, у людей, въ душѣ которыхъ все ясно, чисто и радостно, и у которыхъ нѣтъ сомнѣній, подтачивающихъ бодрый духъ.

Позже узнали кое-что изъ того времени, которое прошло, между годомъ, когда она оставила губернский городъ, и—вторымъ пріѣздомъ сюда.

Узнали, что она въ эти годы была тамъ, гдѣ былъ онъ.

Сперва іеромонахъ, потомъ архимандритъ и, наконецъ, архіерей, онъ изыскалъ весь свѣтъ,—былъ на восточной оконечности Азіи, на сѣверѣ Америки, былъ посылаемъ и въ Африку, провелъ нѣсколько лѣтъ въ сѣвер-

ныхъ тундрахъ Сибири, обращая въ христіанство полудикихъ язычниковъ.

Много перенесъ онъ физическихъ лишеній, но они какъ-то мало причиняли ему страданій,—онъ умѣлъ не замѣчать ихъ.

И всюду, куда только ни забрасывала его судьба, непремѣнно появлялась дама—вся въ бѣломъ, и всегда вся въ бѣломъ, она не признавала никакихъ другихъ цвѣтовъ.

Говорили, что она дѣлала это въ память одного вечера, на которомъ впервые встрѣтилась съ нимъ, уже монахомъ, послѣ того, какъ онъ отвергъ ее, какъ невѣсту. На томъ вечерѣ она была вся въ бѣломъ, и ея теперешняя одежда была какъ бы памятникомъ, который она воздвигла той встрѣчѣ, замѣчательной въ ея жизни.

Эта удивительная исторія въ первое время всѣмъ казалась странной, и многихъ наводила на мысли, которыхъ они даже не рѣшались высказывать вслухъ.

По дѣйствительности противорѣчила тамъ мыслямъ, и люди, мало-по-малу, должны были признать, что отношенія между Мелетіемъ и дамой въ бѣломъ, которую онъ называлъ невѣстой-Варварой, были высоко-безупречны.

По мѣрѣ того, какъ шли годы, дѣло, которому посвятила себя невѣста-Варвара, развивалось. Уже у нея было особое помѣщеніе, въ которомъ дѣвушки, не вышедшія замужъ, находили для себя работу и пропитаніе; а затѣмъ существованіе этого помѣщенія было обезпечено постояннымъ фондомъ.

Явились и другія лица, которымъ правилась эта идея и принимали участіе—кто своими взносами, кто стараніями и трудами.

Такъ прошло около восьми лѣтъ. У архіерея уже побѣдѣла борода, и у невѣсты-Варвары много прибавилось въ волосахъ сѣдинъ, но бодрость и ясность духа не измѣнили ей.

И вдругъ въ городъ пришло извѣстіе, что архіерей Мелетій переводится въ другую епархію, что служило для него повышеніемъ по службѣ.

Начались сборы. Архіерей прощался со своей паствой, и много было искреннихъ сожалѣній, потому что его любили. И вотъ наступилъ день, когда архіерей покинулъ городъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого замѣтили, что пугдѣ уже не видно дамы, которая была вся въ бѣломъ. Она тоже простилась съ своими питомцами, для которыхъ было устроено ея помѣщеніе, и уѣхала въ тотъ городъ, куда перѣхалъ Мелетій.

Но устроенное ею дѣло было обезпечено средствами, при немъ были люди, которые хорошо понимали ея задачу и продолжали его.

А дама—вся въ бѣломъ—ѣтъ повомъ городѣ, при помощи архіерея Мелетія, уже устраивала новое убѣжище для дѣвушекъ, не вышедшихъ замужъ.

КОНЕЦЪ.

Старое и новое искусство.

Стихотвореніе Б. Никонова.

Вотъ онъ—античный художникъ!.. Размѣренно-строгой
Кистью своей налагаетъ онъ темныя краски..
Контуры каждаго тѣла съ вниманьемъ обводитъ,
Вѣрной рукою всѣ грани онъ тщательно чертитъ,
Линіей рѣзкой картину свою замыкая..
Долгимъ, упорнымъ трудомъ, какъ алмазъ драгоценный,
Плодъ своего вдохновенія годами шлифуетъ..
Но не сумѣлъ уловить онъ сіяніе солнца,
Чужды его вдохновенно проторъ и воздушность.
Скучныя краски его и темны, и суровы,
Сухи и строги рисунки въ ихъ контурахъ рѣзкихъ!..

Вотъ передъ нами другой вдохновенный художникъ:
Юнона смѣлый—питомецъ родного народа..
Выросъ на солнцѣ... Природа его воспитала,
Въ душу вложила ему обаяніе свѣта.
Дерзокъ и смѣлъ онъ въ работѣ своей быстротечной!..

Линій не знаетъ онъ строгихъ и мѣрныхъ, и точныхъ,
Въ пятнахъ причудливыхъ, взятыхъ полною кистью.
Краски кладетъ вдохновенно-небрежной рукою.
Взглянешь вблизи—и подумаешь:—«Гдѣ-жъ тутъ рисунокъ?»—

Вдаль отоидешь—и свершается странное чудо:
Солнце сіяетъ въ тѣхъ пятнахъ небрежныхъ и странныхъ,
Воздухъ въ нихъ вѣетъ своими живыми волнами!..
Въ краскахъ расплывчатыхъ, въ образахъ, съ виду
неясныхъ,
Словно по слову Творца, создается природа!

Точность и трудъ непрестанный нужны для искусства..
Солнце и краски природы нужны ему тоже!
Дайте же руки другъ другу, художники-братья!
Будьте отнынѣ вы близки въ работѣ другъ другу.
Пусть сочетаетъ васъ общій обоимъ вамъ гений!

Старые друзья. Картина Р. Шокэ, грав. Р. Бонгъ.

Барикады, сооруженные революционерами на Малой Бронной.

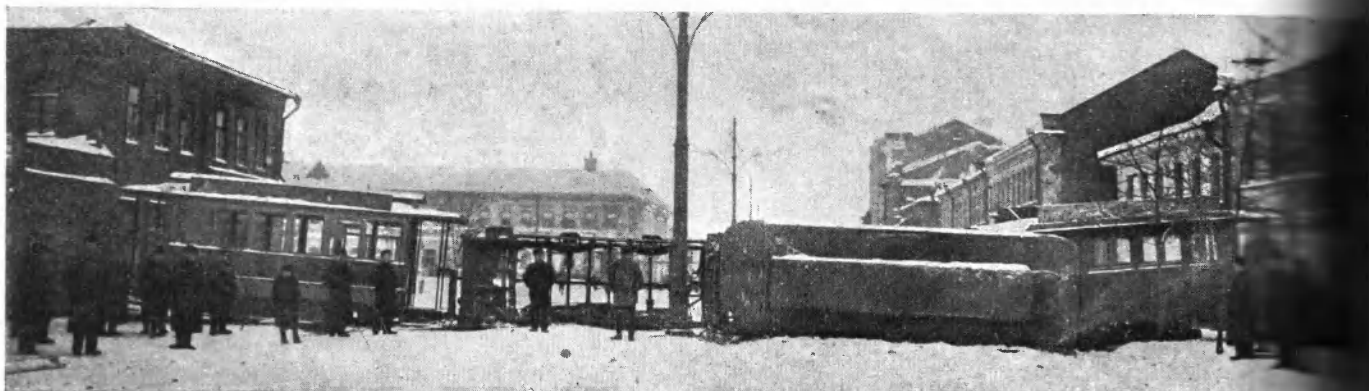
Барикады, сооруженные из вагонов у Курского железнодорожного моста (на Золоторожской улицѣ).

Пересыльная тюрьма. Тюремныя больницы. (Уголь Лѣсной ул.).
Кровавые дни въ Москвѣ. По фотографіямъ В. Грибова и нашего корреспондента К. К. Булла.

Барикады на Арбатѣ. Справа—домъ „Народнаго университета“, пожертвованный городу покойнымъ генераломъ Шанявскимъ.

Барикада изъ вагоновъ конно-желѣзной дороги на Лѣсной улицѣ, близъ Миусскаго конно-желѣзнодорожнаго парка.

Барикады въ Каретномъ ряду.

Кровавые дни въ Москвѣ. По фот. В. Грибова.

Новый избирательный закон.

Манифест 17-го октября, даровавший русским людям конституционные свободы, постановил, между прочим, «привлечь к участию в Государственной Думе, в мѣрѣ возможности, тѣ классы населения, которые лишены избирательныхъ правъ».

Дѣйствительно, законъ о Государственной Думѣ, созданный бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Булыгинымъ и утвержденный 6-го августа 1905 года, исключалъ изъ участія въ государственныхъ выборахъ огромную массу населения, такъ что избирателями должны были, по этому закону, явиться лишь нѣкоторые, сравнительно очень немногочисленные, граждане Русской земли.

Такъ, изъятые изъ участія въ выборахъ оказались: 1) средніе и низшіе разряды городского населенія, живущіе умственнымъ трудомъ и отчасти торговлей и промыслами, 2) нѣкоторые разряды мелкихъ землевладѣльцевъ и сельско-хозяйственныхъ дѣятелей, «не связанныхъ съ землею правомъ собственности»; и, наконецъ, 3) огромный классъ фабричныхъ, горнозаводскихъ и иныхъ рабочихъ.

Въ эти три разряда «обойденныхъ», такимъ образомъ, входила вся живущая умственнымъ трудомъ и не имѣющая крупной собственности интеллигенція: чиновники, адвокаты, врачи, журналисты, да еще — все живущее физическимъ трудомъ рабочее населеніе, и, наконецъ, огромное количество мелкихъ сельскихъ хозяевъ, арендаторовъ и т. п. Все они были совершенно обойдены закономъ и лишены права участія въ государственной жизни родины.

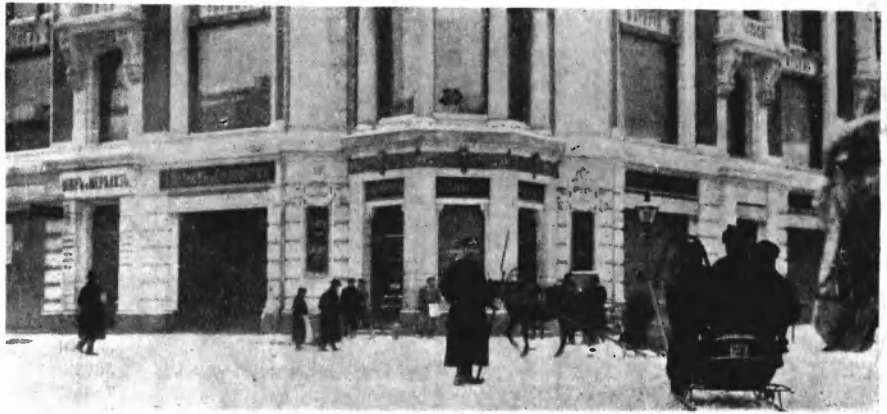
И вотъ, манифестъ 17-го октября возложилъ на государственную власть ответственную и нелегкую обязанность привлечь и этихъ лицъ къ выборной дѣятельности. При этомъ въ манифестѣ было категорически заявлено, что все это надлежитъ сдѣлать, «не останавливая выборовъ въ Государственную Думу», т. е. не передѣлывая уже составленные списки избирателей и не нарушая въ сколько-нибудь существенныхъ частяхъ уже установленную прежнимъ закономъ систему выборовъ.

Это послѣднее обстоятельство, конечно, значительно осложнило задачу расширенія избирательныхъ правъ, и совѣтъ министровъ, на долю котораго выпало составленіе новаго избирательнаго закона, былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ весьма нелегкой проблемой. Для разрѣшенія этой проблемы совѣтъ министровъ рѣшилъ придерживаться слѣдующихъ положеній:

Было признано наиболее целесообразнымъ отказаться отъ строгаго проведенія *рестраціонной системы* при составленіи списковъ избирателей. Эта система, сводившаяся къ выискиванію *всѣхъ* лицъ, имѣющихъ право быть избирателями, требовала затраты продолжительнаго времени. Поэтому совѣтъ министровъ рѣшилъ установить систему *явочную*, состоящую въ томъ, что въ списки вносятся только тѣ избиратели, которые *сами своевременно заявляютъ о желаніи участвовать въ выборахъ* и сами представляютъ доказательства своего права на это. Такая система значительно ускоряетъ составленіе списковъ и, стало-быть, и созывъ Думы.

Затѣмъ совѣтъ министровъ счелъ возможнымъ привлечь къ участию въ выборахъ слѣдующіе «обойденные» разряды населенія:

Въ городахъ: всѣхъ лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ налогомъ или городскимъ сборомъ; всѣхъ лицъ, владѣющихъ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ; всѣхъ лицъ, уплачивающихъ промысловый или квартирный налогъ, или, вообще, занимающихъ на свое имя отдѣльную квартиру, и, наконецъ, всѣхъ

Вооруженный городской на Кузнецкомъ мосту.

Домъ (противъ Николаевского вокзала), изъ котораго революціонеры стрѣляли по вокзалу 14 декабря с. г.

Народная милиція, организованная для охраны жителей.

Доставка вооруженныхъ городовыхъ къ мѣсту безпорядковъ.
Кровавые дни въ Москвѣ. По фотографіямъ нашего корреспондента К. К. Булла.

Кровавые дни в Москвѣ. Лобковский переулок на Чистыхъ прудахъ. Домъ реального училища Фидлера, въ которомъ заперлись революціонеры, стрѣлявшіе по войскамъ и бросавшіе бомбы изъ оконъ. Домъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поврежденъ обстрѣливавшей его артиллеріей. По фот. В. Грибова.

тѣхъ, которые получаютъ содержаніе или пенсію по службѣ государственной, или въ земскихъ городскихъ и сословныхъ учрежденіяхъ (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ).

Въ городовъ — всѣхъ, вообще, лицъ, которые владѣютъ какимъ-либо землею или инымъ недвижимымъ имуществомъ, а также тѣхъ лицъ, которые хотя и не владѣютъ землею, но связаны съ интересами земледѣлія и землевладѣнія (управляющіе имѣніями, арендаторы и пр.). Наконецъ, не оставленъ безъ участія въ выборахъ и обширный классъ лицъ, проживающихъ въ городахъ и получающихъ содержаніе или пенсію по государственной и иной службѣ.

Всѣ эти лица («въ городовъ») привлечены къ участію въ выборахъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и тѣ, кто живетъ въ городахъ.

Касательно огромнаго класса *рабочихъ*, которые тоже должны были получить свою долю участія въ государственныхъ выборахъ, советъ министровъ остановился на слѣдующей мысли: рѣшено было образовывать изъ нихъ совершенно особую избирательную курію (отдѣленіе), независимую отъ другихъ избирательныхъ группъ населенія и притомъ безъ имущественнаго ценза. Но къ участію въ выборахъ советъ министровъ по-

становилъ привлечь не всѣхъ рабочихъ, а лишь «тѣ разряды рабочаго населенія, которые подчинены дѣйствию особаго законодательства (фабричнаго, горно-заводскаго и желѣзнодорожнаго)».

При этомъ, для упрощенія порядка выборовъ, оказалось необходимымъ ввести еще слѣдующія ограниченія:

1) допустить къ выборамъ лишь рабочихъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ работаетъ не менѣе 50 лицъ;

2) установить не прямое, а трехстепенное избирательство: предоставить рабочимъ каждого отдѣльнаго заведенія избирать изъ своей среды *уполномоченныхъ* съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе на особомъ съѣздѣ избирали *выборщиковъ* въ составъ городскихъ или губернскихъ избирательныхъ собораній.

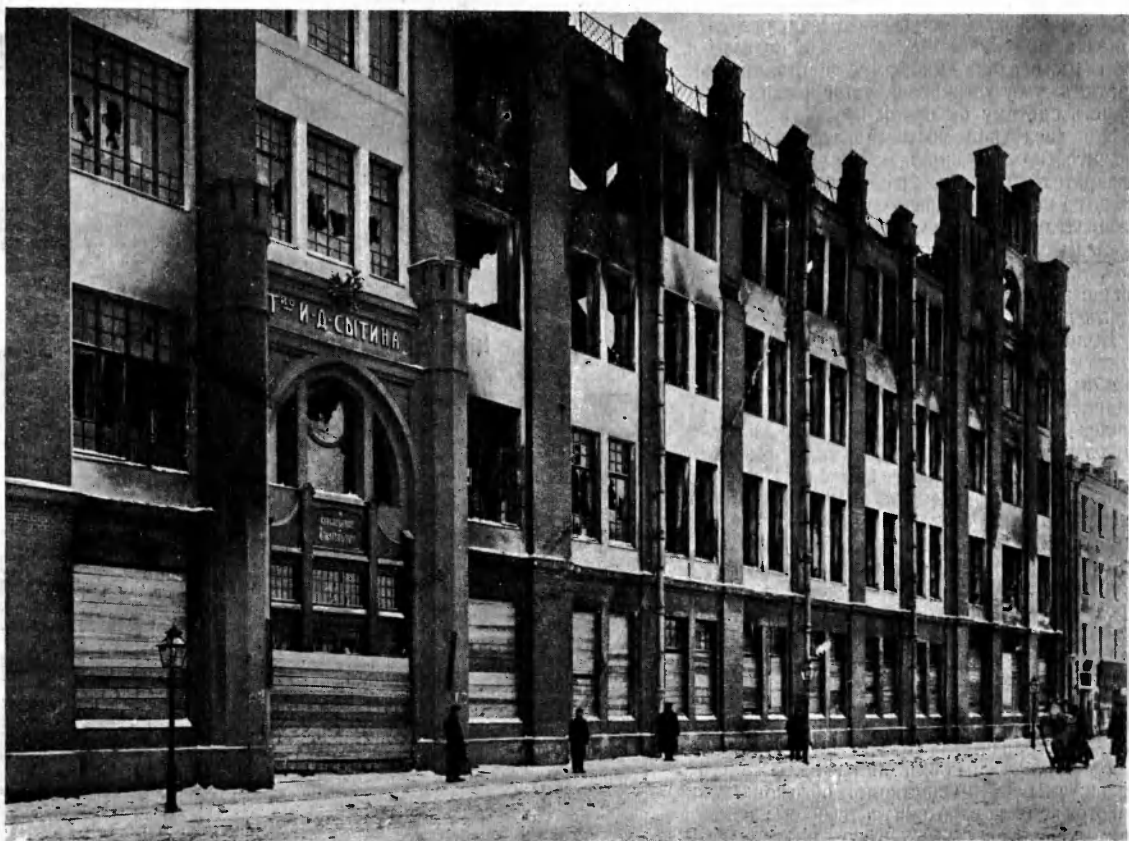
Таковы общія положенія, принятія советомъ министровъ при выработкѣ «новеллы», т. е. дополнительнаго новаго закона къ закону 6-го августа.

Эти основанія удостоились Высочайшаго утвержденія и легли въ основу Именного Высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 11 декабря сего года. Этотъ указъ и имѣетъ теперь значеніе новаго избирательнаго закона.

Правительственное сообщеніе, опубликованное одновременно съ изданіемъ «новеллы» и комментирующее ее, говоритъ по поводу нея, слѣдующее:

«Вводимыя новымъ закономъ поправки и дополненія страдаютъ, конечно, нѣкоторыми недостатками, а потому съ точки зрѣнія стройности и логическихъ основаній могутъ вызвать не мало возраженій. Однако, по существу, въ предѣлахъ поставленной Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября задачи, онѣ вполне удовлетворяютъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ, которые могутъ быть въ этомъ отношеніи предъявлены. Ни одинъ изъ сколько-нибудь значительныхъ классовъ населенія не является устранимымъ отъ участія въ выборахъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей.

«Какъ велико расширеніе круга избирателей, легко усмотрѣть изъ слѣдующаго примѣра. По даннымъ 1903 года, всѣхъ лицъ, которые могли бы принять участіе въ выборахъ по квартирному цензу, установленному положеніемъ 6 августа сего года, было въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи и въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго всего 18.876, тогда какъ по новому закону въ этотъ разрядъ избирателей войдутъ всѣ лица, занимающія отдѣльныя квартиры, конхъ по даннымъ за тотъ же 1903 годъ въ городахъ тѣхъ же губерній было болѣе 2.000.000. Весьма сильное увеличеніе дастъ также и привлеченіе избирателей по признаку полученія содержанія или пенсіи по службѣ. Вообще же въ городахъ при этомъ условіи останутся безъ участія

Кровавые дни в Москвѣ. Домъ Товарищества И. Д. Сытина (на Вальной улицѣ). Въ виду того, что въ зданіи укрывались революціонеры, стрѣлявшіе изъ оконъ въ войска, артиллерія стала его обстрѣливать; вслѣдъ за тѣмъ возникъ пожаръ. По фот. В. Грибова.

1. Городской питательный пункт на Обводном канале для безработных и увечных, заведываемый студентом С. А. Носовичем. 2 и 3. Раздача хлеба и горячей пищи. 4. Василеостровский бесплатный питательный пункт при „Дѣтском садѣ“ Калачевой, заведываемый учительницей Поповой (Вас. Остр., 4 линия, 37). Столъ учащихся въ „Дѣтском саду“. 5. Столъ для безработныхъ женщинъ, кормящихъ грудью.

Питательные пункты для голодающихъ въ С.-Петербургѣ.

въ выборахъ собственно лишь ремесленники, рабочіе на фабрикахъ, на коихъ занято менѣе 50 лицъ, чернорабочіе разнаго рода и низшіе разряды служителей, если притомъ они не занимаютъ самостоятельныхъ квартиръ, а изъ остальныхъ классовъ населенія отдѣльныя лица, не имѣющія ни особой квартиры, ни личнаго промышленнаго занятія, ни, наконецъ, содержанія или пенсіи по службѣ. Изъ лицъ же, проживающихъ внѣ городовъ, не получаютъ участія въ выборахъ исключительно лишь несамостоятельные члены семействъ, равно крестьяне-домохозяева, которые не имѣютъ ни земельного надѣла, ни какой-либо недвижимой собственности.

Новый законъ, какъ говоритъ далѣе это же правительство сообщеніе, не отвѣчаетъ ожиданіямъ тѣхъ лицъ, которые непрерывно настаивали, въ силу отвлеченныхъ соображеній, на требованіи «всеобщей, равной и прямой подачи голосовъ». Но не слѣдуетъ забывать, что всеобщая подача голосовъ далеко не составляетъ послѣдняго слова политическаго представительства и даже въ странахъ, значительно опередившихъ Россію на пути развитія формъ государственной жизни, не является сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ. Истиннымъ доказательствомъ тому служить большинство европейскихъ державъ, которое не проявляетъ еще опредѣленной рѣшимости перейти къ этому способу выборовъ и расширять свои

избирательныя системы лишь медленно и постепенно, по мѣрѣ роста и политическаго развитія низшихъ общественныхъ слоевъ и проникновенія соответствующихъ идей въ сознаніе всѣхъ классовъ населенія. Если же въ Россіи, какъ говоритъ далѣе упомянутое правительственное сообщеніе, дѣйствительно развилось сознательное убѣжденіе въ пользѣ для государства, именно, всеобщей, равной, тайной и прямой системы народнаго представительства, то вѣдь манифестъ 17-го октября предоставляетъ полную возможность Государственной Думѣ, разъ она соберется, установить въ законодательномъ порядкѣ какую угодно новую систему. Государственной Думѣ манифестъ даровалъ, именно, *дальнѣйшее развитіе* избирательнаго права. Отъ нея самой зависитъ усовершенствованіе самой себя. И только бы собраться ей, хоть какими бы то ни было способомъ, а тамъ ужъ начнется мирное сглаживание шероховатостей, и устранится все нежеланное и ошибочное, что не правится теперь многимъ изъ насъ.

Во всякомъ случаѣ, новый избирательный законъ значительно сглаживаетъ и улучшаетъ неудачно составленный «булыгинскій» проектъ, и даетъ возможность огромному большинству русскихъ гражданъ осуществить столь желанное ими право на участіе въ политической жизни нашей родины.

Н. А. Морозовъ, ред. журн. «Народная Воля», членъ «Исполнит. Комитета», содержался съ 1881 г. по ноябрь 1905 г. въ Петропавл. и Шлиссельб. крѣпости.

Г. Лопатинъ, пробывшій около 25 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Л. Сикорскій, находившійся въ Шлиссельбургской крѣпости.

Амнистированные политическіе узники. По фотографіямъ, снятымъ до заточенія.

Народнымъ представителямъ.

«Заповѣдь новую даю вамъ:
да любите другъ друга...»

Первоизбранники народа!

Его надежда вы и силъ здоровыхъ цвѣтъ.
Въ путь изъ распутны отъ васъ онъ идетъ исхода.

Земной поклонъ вамъ и привѣтъ!

Запретовъ съѣтъ народъ лишила воли,
Стѣсненій цѣпь давила крылья силъ,
И вотъ теперь отъ многихъ язвъ и боли
Онъ врачевать свой бытъ васъ пригласилъ.
Вѣряться вамъ, предстателямъ достойнымъ,
Свободно избраннымъ довереннымъ страны,
Русь ждетъ отъ васъ съ сознаніемъ спокойнымъ,
Что долъ свой доблестно исполнить вы должны.
Сплотитесь же надежнѣйшимъ оплотомъ—
Отъ произвола—правъ, законности—отъ лицъ;

Служите же опорой плотамъ,
Щитомъ безсильныхъ и вдовицъ.—
Вы явитесь проводниками свѣта,
Карателями кривдъ, хищеній и обидъ—
И ваши имена, признательный, за это
Народъ навѣкъ благословитъ.

Первоизбранники народа!

Трибуны новые и соль родной страны!
Сильны ни самами, ни древностію рода,
А полномочьемъ вы сильны.
Законы правые въ отѣну привилегій
Творить вы призваны, и за почетный трудъ,
Въ событіяхъ будущихъ неотразимомъ бытъ
Всѣ ваши имена въ потомствѣ не умрутъ.

Павель Поповъ.

Питательные пункты для голодающихъ въ С.-Петербурѣ. (Съ 5 рис. на стр. 997).

Мрачныя событія послѣдняго времени—забастовки и безработица легли тяжкимъ бременемъ на бѣднѣйшую часть столичнаго населенія. Вслѣдствіе тѣхъ общественныхъ неурядицъ, которыя вызвали экономическій застой въ Петербургѣ и повысили цѣны на предметы первой необходимости, сотни семействъ рабочаго населенія столицы оказались, буквально, выброшенными на улицу.

Сотни семействъ, буквально, голодали. Это не преувеличеніе, а, къ сожалѣнію, горькая дѣйствительность. Въ столицѣ, обладающей крупными общественными капиталами и солидными благотворительными учрежденіями, началась настоящая голодовка. Но свѣтъ, какъ извѣстно, не безъ добрыхъ людей. Общественное управленіе Петербурга, въ лицѣ своихъ наиболее энергичныхъ и дѣятельныхъ представителей, отозвалось на это бѣдствіе и предоставило бѣдствующему населенію возможность временно подкормиться и кое-какъ перебиться въ эти тяжелые дни.

По инициативѣ петербургской городской думы было учреждено до двадцати бесплатныхъ городскихъ столовыхъ. Въ этихъ столовыхъ, которыя находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ думскихъ гласныхъ, отпускается неимущимъ людямъ горячая пища и молоко.

Наплывъ обѣдающихъ такъ великъ, что слѣдовало бы озабочиться расширеніемъ этого благотворительнаго предпріятія. Столовая выдаетъ пока, максимально, до 300 обѣдовъ въ сутки. (Такой нормы, напримѣръ, придерживается изображенная на нашемъ рисункѣ столовая, открытая въ зданіи городскихъ пожарныхъ курсовъ на углу Лиговки и Обводнаго канала). Обѣдающие

получаютъ два сытныхъ блюда съ хлѣбомъ, и стоимость такого обѣда не превышаетъ 5½ копеекъ.

Кромѣ этихъ городскихъ «питательныхъ пунктовъ» въ настоящее время функционируетъ еще одинъ такой пунктъ, специально названный для бѣдныхъ женщинъ и дѣтей. Онъ находится на 4-й линіи, Вас. Остр., при «дѣтскомъ народномъ садѣ» г-жи Калачевой.

Столовая г-жи Калачевой возникла гораздо раньше и имѣетъ свою исторію.

Она открылась во время извѣстнаго наводненія, нагрянувшаго на Петербургъ въ ноябрѣ 1903 г. Во время разлива воды, когда улицы Васильевскаго Острова превратились въ шумные потоки, г-жа Калачева рѣшила устроить въ своемъ «дѣтскомъ саду» пріютъ для пострадавшихъ отъ наводненія дѣтей. Она пробралась на лодомъ въ извозчикѣ въ Гавань, забрала тамъ полунагихъ, изголодавшихся и голодныхъ ребятшекъ и отвезла ихъ въ «садъ». Тамъ они были накормлены, обогрѣты и одѣты, и такимъ образомъ при «садѣ» возникъ временный питательный пунктъ, дѣйствовавшій во все время наводненія. Но онъ не заглохъ и потомъ: «Дѣтскій садъ» получилъ тогда много пожертвованій, какъ натурой, такъ и деньгами, и изъ остатковъ отъ этихъ пожертвованій г-жа Калачева удались открыть при «садѣ» постоянную столовую, гдѣ получаютъ обѣдъ не только дѣти, но и матери съ грудными дѣтьми.

Нечего и говорить о томъ великомъ значеніи, которое имѣетъ столовая г-жи Калачевой въ настоящее тяжелое время. Но средства столовой далеко не неисчислимы, и было бы крайне желаніемъ поддержать ее денежной или матеріальной помощью. Подобная же помощь нужна и для городскихъ питательныхъ пунктовъ, благосостояніе которыхъ зависитъ тоже почти исключительно отъ притока пожертвованій.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Заканчивая тысячную страницу „Нивы“ за этотъ годъ, мы надѣемся встрѣтиться съ нашими читателями въ новомъ году. Не самоувѣренность внушаетъ намъ эту надежду. За нами наше незапятнанное журнальное прошлое, за 36 лѣтъ неустанныхъ трудовъ на пользу народнаго просвѣщенія и развитія литературнаго вкуса въ русскомъ обществе.

Предъ лицомъ всего русскаго общества росло литературное, просвѣтительное значеніе „Нивы“, и на ряду съ крѣпко и ширилось сочувствіе читателей къ „Нивѣ“, утверждалась увѣренность ихъ въ горячемъ нашемъ желаніи служить высшимъ человѣческимъ стремленіямъ и быть, по мѣрѣ силъ, постояннымъ спутникомъ читателя въ вопросахъ жизни.

Лучшія литературныя и художественныя силы, отечественныя и иностранныя, украсили своими произведеніями страницы „Нивы“. Мало того, „Нива“ — первый и единственный въ Россіи журналъ, давшій своимъ читателямъ цѣлыя полныя собранія сочиненій нашихъ первоклассныхъ писателей. Духовные вожди нашего общества, его руководители, были съ „Нивой“ и благодаря ей, проникали туда, куда они раньше, вслѣдствіе дороговизны ихъ сочиненій, проникнуть не могли. Черезъ посредство „Нивы“ съ русскимъ обществомъ бесѣдовали Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Гоголь, Григорьевъ, Чеховъ, Салтыков-Щедринъ, а также Лѣсковъ, Шеллеръ-Михайловъ, Данилевскій, Боборыкинъ, Жуковский и др. Въ этомъ году предъ умственнымъ взоромъ читателей съ новой силой и въ небывалой еще полнотѣ и законченности предсталъ весь цѣлкомъ образъ великаго нашего сатирика Салтыкова-Щедрина, всю жизнь ратовавшаго во имя правды и свободы писателя-прозорливца, въ сочиненіяхъ котораго черпали силу своимъ словамъ и указаніямъ позднѣйшіе писатели, и выраженія котораго цитируются въ особенности теперь, въ годину подъема чувства общественности и народнаго самосознанія.

Именно теперь, когда идетъ переоцѣнка общественныхъ цѣнностей, когда строго и нелицеприятно слѣдуетъ итогъ всему, что сдѣлало русское общество и всѣ его органы, въ томъ числѣ и періодическая печать, „Нива“ можетъ сослаться на десятки милліоновъ томовъ сочиненій русскихъ писателей, распространенныхъ ею въ обществѣ; главная заслуга „Нивы“, въ этомъ основа нашей увѣренности въ сочувствіи нашихъ читателей къ намъ, къ просвѣтительнымъ задачамъ.

Воодушевленные желаніемъ неустанно преслѣдовать эти задачи и въ будущемъ, вѣрные своимъ идеаламъ, мы вѣруемъ встрѣчаемъ новый годъ.

Въ 1862 году Л. Ф. отправился въ свѣтъ великаго князя Михаила Николаевича вторично на Кавказъ и участвовать тамъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Возвратившись съ Кавказа, Лагорію навсегда поселился въ Петербургъ и лишь по временамъ уѣзжалъ «на этюды» на югъ — въ Крымъ, на кавказское побережье Чернаго моря, въ Константинополь, въ Азіатскую Турцію.

Въ теченіе своей долготѣйшей жизни Л. Ф. Лагорію создалъ огромное количество картинъ, изъ числа которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли виды Чернаго моря и Крыма. Кромѣ картинъ онъ написалъ не мало акварелей и сепій. Во всякомъ случаѣ, послѣ него осталось огромное и чрезвычайно цѣнное художественное наслѣдство.

А. Л. Боровиковскій. (Портр. на стр. 999).

20 ноября скоростно скончался сенаторъ А. Л. Боровиковскій. Покойный пользовался широкой извѣстностью, и какъ выдающийся юристъ, и какъ талантливый литераторъ. Окончивъ въ 1867 г. курсъ въ харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, А. Л. началъ службу въ харьковскомъ окружномъ судѣ; затѣмъ былъ товарищемъ прокурора. Въ 1874 г. А. Л. оставилъ службу и посвятилъ себя дѣятельности адвокатской и публицистической. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Корша. 20 лѣтъ состоялъ А. Л., по избранію, почетнымъ мировымъ судьей Верхнедѣлѣвскаго уѣзда Екатеринославской губ. Назначенный 26 октября 1883 г. членомъ одесской судебной палаты, А. Л. скоро заслужилъ любовь и довѣріе одесситовъ, какъ гуманный и отзывчивый судья. 14 февраля 1885 г. онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей Одессы, а 11 мая 1894 г. покинулъ Одессу, получивъ назначеніе на должность старш. секретаря Государственнаго Совѣта. Съ 8 апрѣля 1895 г. онъ былъ оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассационнаго департамента сената, а съ 18 декабря 1898 г. — сенаторомъ того же департамента. Изъ сенатскихъ рѣшеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ за послѣдніе 7 лѣтъ, весьма многія принадлежатъ перу Александра Львовича. Блестящій языкъ, смѣлость юридическихъ конструкций, сильно подчеркнутая нравственная тенденція — вотъ харак-

терныя черты, по которымъ всегда можно узнать рѣшенія написанныя.

До конца дней своихъ А. Л. не переставалъ быть сыномъ своей родины, волновался ея надеждами, терзался разочарованіями. По поводу изданнаго 6 августа с. г. закона о Государственной Думѣ, А. Л. выпустилъ въ свѣтъ

«Практическія замѣчанія судьи», въ которыхъ, останавливаясь главнымъ образомъ на дакціонныхъ погрѣшностяхъ текста статей закона, не обошелъ однако молчаніемъ и недостатки этого закона по существу, какъ отсутствія должныхъ гарантій личной свободѣ, новъ Думы, сдѣленности законодательной инициативы Думы, недостижимаго имущественнаго ценза избирателей и пр.

БИБЛИОГРАФІЯ

Книги для подарковъ.

Извѣстный книгопродавецъ А. Ф. Девриентъ, проживавшій, между прочимъ, на изданіи россійскихъ книгъ для дѣтей, выпустилъ въ текущемъ году прекрасныхъ книжекъ, которыя какъ нельзя болѣе ходятъ подъ понятіе «праздничныхъ подарковъ».

Изданія для дѣтей дѣлаются съ каждымъ годомъ чище и осмысленнѣе, и сейчасъ предъ нами нѣсколько книжекъ, изданныхъ А. Ф. Девриентомъ, изъ которыхъ можно сказать, что онѣ, положительно, представляютъ наилучшее впечатлѣніе производятъ книги А. Л. Боровиковскаго: «Въ царствѣ воды и вѣтра» и «Между льдомъ». Такія книги популярно-научнаго характера являются наиболее желательными для дѣтей.

Прекрасное впечатлѣніе производятъ и двѣ книжки и разсказы гр. Л. Л. Толстого: «На Угнѣ» и «Нюшка». Какъ авторъ для дѣтей, Л. Л. Толстой умѣетъ

речь со своими читателями и умѣетъ заинтересовать ихъ. Укажемъ затѣмъ на прекрасный очеркъ С. А. Поспѣлова «Золотой» и разсказъ гр. Л. Л. Толстого о золотопромышленномъ производствѣ дурна также книжечка В. Махцевича «Хорошо жить на свѣтѣ» (изъ мнѣній счастливой дѣвочки).

Всѣ указанныя книги изданы въ полномъ смыслѣ слова прекрасными иллюстраціями. Особенно красиво иллюстрирована книжка (В. Махцевичъ), рисунки которой принадлежатъ Е. П. Самойлову. Хороши также иллюстраціи В. В. Андреева къ разсказамъ Л. Л. Толстого.

Цѣны всѣхъ этихъ книгъ очень невысокія: обѣ книги Л. Л. Толстого — Махцевичъ — тоже 1 р., «Между огнемъ и льдомъ» — 1 р. 30 к., «Въ царствѣ воды и вѣтра» — 1 р. 90 к.

Поправка. Въ № 48 «Нивы» подъ картиной «На полѣ брани. Друзья» опечатка: ошибочно указана фамилія художника; картина эта принадлежитъ художнику Н. Н. Бунина.

В. С. Баскинъ, по поводу 25-лѣтія литературной и музыкально-критической дѣятельности.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ. Невѣста Барвара. Повѣсть И. Н. Потапенко. (Окончаніе). — Старое и новое искусство. Стихотвореніе Б. Никонора. — Изобрѣтательный законъ. — Народнымъ представителямъ. Стихотвореніе П. М. Попова. — Питательные пункты для голодающихъ въ С.-Петербургѣ. — И. М. Сѣченовъ. — Л. Ф. Лагорію. — Нашимъ читателямъ. — А. Л. Боровиковскій. — Библиографія. — Поправка. — Объявленія.

РИСУНКИ. Сибгучка. — Новогодняя кантата. — Подъ Новый годъ. — Старые друзья. — Кровавые дни въ Москвѣ: 1) Баррикады, сооруженныя революціонерами на Малой Бронной. 2) Баррикады, сооруженныя изъ вагоновъ у Курскаго желѣзнодорожнаго моста (на Золоторожской улицѣ). 3) Пересыльная тюрьма. Тюремныя больницы. (Уголъ Лѣсной ул.). 4) Баррикада на Арбатѣ. Справа — домъ «Народнаго университета», пожертвованный городу покойнымъ генераломъ Шаховскимъ. 5) Баррикада изъ вагоновъ конно-желѣзной дороги на Лѣсной улицѣ близъ Мусскаго конно-желѣзнодорожнаго парка. 6) Баррикады въ Каретномъ ряду. 7) Восстаніе городской охраны на Кузнецкомъ мосту. 8) Домъ (противъ вокзала), изъ котораго революціонеры стрѣляли по вокзалу 14 декабря с. г. 9) Народная милиція, организованная для охраны жителей. 10) Доставка вооруженныхъ городовыхъ къ мѣсту безпорядковъ. 11) Любковскій переулокъ на Чистыхъ прудахъ. Домъ реальнаго училища, въ которомъ заперлись революціонеры, стрѣлявшіе по войскамъ и бросавшіе бомбы изъ оконъ. 12) Домъ Товарищества И. Д. Сытина (на Валовой улицѣ). Питательные пункты для голодающихъ въ Петербургѣ: 1) Городской питательный пунктъ на Обводномъ каналѣ для безработныхъ и увѣчныхъ, заведываемый съестнымъ С. А. Носовичемъ. 2 и 3) Раздача хлѣба и горячей пищи. 4) Василеостровскій бесплатный питательный пунктъ при дѣтскомъ садѣ Калачевой. 5) Пунктъ для безработныхъ женщинъ, кормящихъ грудью. — Амнистированные политическіе узники: 1) Н. А. Морозовъ, 2) Г. Лопатинъ, 3) Л. Сикорскій. — И. М. Сѣченовъ. — Л. Ф. Лагорію. — Сенаторъ А. Л. Боровиковскій. — В. С. Баскинъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 50.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Свѣтловъ.

